

— Всё ещё не хочешь выходить? — Цзян Нань ткнул копытцем глиняного младенца.

Он повторил это движение несколько раз, но фигурка лишь затрепетала сильнее, упорно отказываясь шевелиться.

Цзян Нань слегка нахмурился — вернее, высказал бы недовольство, позволял бы ему это сделать пяточок. Пусть сейчас он и ютился в теле крошечного поросёнка, но подобное пренебрежение со стороны безвестного духа задевало гордость. Это что, открытое неуважение?

Терпения Цзян Наню было не занимать. Он ещё раз легонько ткнул копытцем статуэтку, ничуть не заботясь о том, разберёт ли притаившийся внутри дух его тихое хрюканье:

— Даю тебе последний шанс. Выходи по-хорошему. Обещаю, я парень разумный, договоримся.

Дрожащий младенец продолжил притворяться мёртвым.

Народная мудрость гласит: Бог любит троицу. Но Цзян Нань число три терпеть не мог, а потому всегда ограничивался двумя предупреждениями. Если кто-то умудрялся упустить оба шанса — пенять оставалось только на себя.

Му Хуайси стоял, небрежно прислонившись к стене. Статный, высокий, в своей тёмной одежде, он умудрялся превращать даже эту облупившуюся штукатурку в подобие дворцовой колонны. Он не сводил глаз с Цзян Наня. Казалось, сквозь нелепую оболочку поросёнка его взор проникал к самой сути — к той родной, до мельчайших крупин знакомой душе. В этом взгляде сквозила такая нежность, что она, казалось, вот-вот заполнит собой всё пространство комнаты.

— Малыш, если он упрямится, используй это, — Му Хуайси протянул длинную, иссиня-чёрную пластину.

На её лаковой поверхности багрово-золотыми нитями вились сложнейшие руны, наделявшие артефакт грозной, почти осязаемой силой.

Цзян Нань, уже собравшийся призвать свой кинжал Безлезвийный, замер при виде оружия. В душе его воцарилось молчание.

«Надо же, Рассеивающая души мера... — потрясённо подумал он. — Легендарное сокровище высшего ранга, о котором упоминалось лишь в древних свитках. А Му Хуайси достаёт его из широкого рукава так буднично, словно это простая линейка».

Цзян Нань невольно предался унынию. И при жизни, и после смерти, и даже теперь, в облике пухлого поросёнка, единственным его ценным артефактом оставался Безлезвийный. Да и тот, если вспомнить, когда-то подарил ему всё тот же Му Хуайси.

Да уж, сравнение явно не в его пользу. От таких мыслей впору лопнуть от досады.

То ли взгляд поросёнка оказался чересчур скорбным, то ли Му Хуайси слишком хорошо читал его мысли, но мужчина присел на корточки. Встретившись глазами с Цзян Нанем, он негромко произнёс, и в его голосе прозвучал вкрадчивый иску:

— Малыш, всё моё принадлежит тебе. Как только ты вернёшь человеческий облик, я отдам тебе своё пространственное кольцо. Будешь хранить его у себя, идёт?

Цзян Нань промолчал, растерянно моргнув.

«Это что же... всё равно что отдать мужу все банковские карты со сбережениями?»

Сколько богатств накопилось в кольце великого демона, жившего десятки тысяч лет назад? Цзян Нань издал нечто среднее между вежливым покашливанием и хрюканьем, предпочтя тактично промолчать.

Так и не дождавшись прямого ответа на своё завуалированное предложение, Му Хуайси едва заметно вздохнул. В его глазах мелькнула тень разочарования. Он поднялся во весь рост и мягко проговорил:

— Пойду приберусь в спальне.

Цзян Нань с облегчением выдохнул. Проводив взглядом удаляющуюся спину Му Хуайси, он аккуратно перехватил зубами Рассеивающую души меру и повернулся к глиняному уродцу. Хватит с него милосердия.

Не давая духу больше ни секунды на раздумья, поросёнок с размаху опустил артефакт на макушку младенца. Фигурка наконец ожила. Свернувшийся калачиком силуэт судорожно дёрнулся, меняя позу, а на искажённом болью крошечном личике проступил дикий, суеверный ужас. Тварь безмолвно молила о пощаде.

Поросёнок с зажатой в пасти Рассеивающей души мерой выглядел как безжалостный, деспотичный громила. Не меняя бесстрастного выражения мордочки, он приложил упряма ещё раз.

Глиняная фигурка этого не выдержала. Притаившийся внутри дух понял: если он немедленно не покажется, этот розовый тиран развоплотит его душу на месте. А терпеть невыносимую муку медленного угасания под ударами меры у него не было сил.

Из треснувшей глины заструился призрачный дым, соткавшийся в блёклую, полупрозрачную фигуру. Тень тут же рухнула на колени перед поросячьей грозой района:

— Пощадите, господин! Смилуйтесь!

Призрак не имел ничего общего с младенцем — это был вполне взрослый мужчина. Именно поэтому Цзян Нань охаживал статуэтку без малейших угрызений совести.

Окажись в глине дух нерождённого дитя, дело обстояло бы иначе. Маленькие дети безгрешны; они погибают, толком не успев увидеть мир, и становятся орудием в руках тёмных практиков поневоле. В таком случае Цзян Нань сначала очистил бы невинную душу от навязанной злобы и лишь затем препроводил её в Курган Душ. Но здесь случай был совсем иной.

— Господин, клянусь, я этого не хотел! — запричитал мертвец, заливаясь призрачными слезами. — Я не собирался вредить этой семье, меня заставили!

Покинув своё глиняное убежище, он оказался один на один с дневным светом, отчего его призрачное тело истончалось и горело. Он корчился от боли и дрожал от ужаса.

Призрак назвался Ян Цзяхэ. Он рассказал, что с самого детства отличался «слабой судьбой» — был крайне уязвим для нечисти и феноменально неудачлив. В ранние годы один странствующий монах предсказал ему, что если он сумеет перешагнуть двадцатичетырёхлетний рубеж, то проживёт долгую и спокойную жизнь. На прощание старец подарил мальчику защитный амулет.

Благодаря этой вещице Ян Цзяхэ, хоть и оставался законченным неудачником, перестал видеть потустороннее и привлекать злых духов. Но незадолго до трагедии случился корпоратив. Будучи простым стажёром, он не смел отказывать начальству, когда то настойчиво предлагало выпить. Пить парень не умел совершенно, поэтому быстро захмелел и потерял счёт рюмкам.

Пришёл он в себя уже в гостиничном номере, в полубреду. С ужасом обнаружив, что на нём лежит мужчина, а собственная одежда полуразодрана, Ян Цзяхэ опешил. Чёрт возьми, это был его начальник!

Его стошнило от омерзения. Собрав остатки сил, парень вырвался, знатно приложил негодя кулаком по физиономии, отправив в глубокий нокаут, и на негнущихся ногах покинул отель. Лишь отойдя на приличное расстояние, он с ужасом нащупал пустую грудь — амулет остался в номере, сорванный во время потасовки.

Зная свою уязвимость, Ян Цзяхэ испугался не на шутку и бросился обратно. Но судьба-злодейка не дала ему второго шанса: именно в эти несчастные полчаса с ним и приключилась беда. Он погиб.

Очнулся он уже заточённым в тесную глиняную тюрьму. Разум заволокло плотным туманом, мысли путались, а моменты прояснения наступали редко и длились считанные минуты.

В эти редкие мгновения осознанности Ян Цзяхэ с ужасом понимал, что его руками творят какое-то зло. Он отчаянно пытался вырваться из статуэтки, но оковы держали крепко. Стоило попытаться отдалиться от глины, как душу пронзала такая дикая боль, словно его разрывали на части. Именно поэтому он так долго не решался откликнуться на призыв Цзян Наня.

Закончив свой сбивчивый рассказ, Ян Цзяхэ понурился и застыл, во все глаза глядя на Цзян Наня. Его взгляд то и дело испуганно возвращался к Рассеивающей души мере в зубах поросёнка. Бедолага понятия не имел, что это за артефакт, но одно знал точно: удар этой штуки причинял страдания куда более страшные, чем разрыв связей со статуэткой.

— Думаешь, я поверю тебе на слово? — Цзян Нань всё же убрал Рассеивающую души меру чуть в сторону.

Ян Цзяхэ даже не задумывался, каким образом понимает поросёнычье хрюканье. Он отчаянно закивал, едва не отрывая собственную призрачную голову.

Но посреди этого кивания призрак вдруг истошно закричал. Его затрясло, лицо исказилось нелепой гримасой, и невидимая сила ураганом швырнула его обратно в сосуд. По комнате разнеслось сухое потрескивание. Глиняный младенец покрылся сеткой глубоких трещин, а его застывшая мордашка исказилась в немом ужасе, словно внутри него разверзлась бездна.

— Могли бы хоть предупредить перед началом, — Цзян Нань недовольно прищурился. — Терпеть не могу тех, кто нападает без предупреждения. Что за манеры?

С этими словами он неторопливо опустил копытце на макушку трескающегося истукана. В ту же секунду пугающий хруст прекратился. Ян Цзяхэ, уже мысленно простившийся с остатками своего существования, внезапно почувствовал, как утихает разрывающая его боль. Открыв призрачные глаза, он обнаружил прямо перед собой гигантский — в масштабах его зрения — влажный пятachок.

Он ошарашенно захлопал ресницами, слушая философское ворчание поросёнка:

— Раз уж та сторона плюёт на этикет, мы ответим тем же. Долг платежом красен, не так ли?

Призрак не успел даже осознать эти слова, как на него, подобно обрушившейся скале, опустилось поросёнычье копыто. Ян Цзяхэ зажмурился, ожидая неминуемой гибели, но вместо этого ощутил невероятную, звенящую лёгкость. Тяжесть, сковывавшая его столько дней, мгновенно испарилась.

— Чего разлёгся? Вставай давай, — Цзян Нань укоризненно покачал головой, глядя на сжавшегося в комок призрака.

В последнее время ему попадались исключительно трусливые сущности. Даже как-то

непривычно.

Ян Цзяхэ осторожно приподнял голову и ощупал себя:

— Я... я уцелел?

— Вообще-то ты давно мёртв, — сухо напомнил Цзян Нань.

Взгляд призрака упал на кучку глиняных осколков, в которые превратился его мучительный плен. Ян Цзяхэ ахнул. Сосуд уничтожен, а он цел и невредим! Это могло означать лишь одно: он наконец-то свободен!

— Спасибо вам, господин! Век буду благодарен! — Ян Цзяхэ поспешно согнулся в глубоком поклоне.

Он не был дураком и прекрасно понимал, кому обязан своим спасением. Этот розовый «господин» избавил его от вечного рабства и необходимости вредить безвинным людям.

Ян Цзяхэ всегда был тихим, послушным парнем, искренне старавшимся жить по совести. Тот монах, что подарил ему амулет, наставлял его творить добро и копить заслуги. Парень так пёкся о своей карме, что переживал, если случайно наступал на муравья. Каково же ему было осознавать, что после кончины его превратили в злобного вредителя? Мысль об этом причиняла ему глубокие страдания.

Настроение Цзян Наня испортилось. Раз за Ян Цзяхэ стоял кукловод, значит, подобные фигурки штампуются десятками. Не окажись у Ли Хунляна того деревянного оберега на красной нити, беды было бы не миновать.

Хотя... стоп. У его супруги ведь не было никакого оберега, однако её состояние казалось куда стабильнее, чем у мужа. Не сходится.

Размышления Цзян Наня прервал вежливый стук. Му Хуайси вышел из спальни и отворил дверь — на пороге стояли Ли Хунлян и его жена Чэнь Юйвэй. Удивительно, но стоило извлечь статуэтку на свет, как к супругам почти мгновенно начали возвращаться жизненные силы: на бледных щеках проступил здоровый румянец.

Теперь они смотрели на хозяев квартиры с нескрываемым благоговением. Прошлую вежливую приветливость сменило искреннее, глубокое почтение к двум столь необычным существам.

Они пришли, чтобы забрать то, что осталось от злосчастной куклы, — супруги твёрдо вознамерились призвать невестку к ответу, предъявив неопровержимые улики.

Цзян Нань уставился на округлившийся живот Чэнь Юйвэй. Вдруг сквозь плоть и ткань пробилось едва заметное мерцание. Над утробой женщины соткался крошечный прозрачный силуэт — нерождённый малыш, чей пол пока ещё нельзя было различить. Душа младенца плавно сделала круг над поросёнком, ласково коснулась его ушка призрачным поцелуем и прошептала:

— Спасибо, братец поросёнок.

А затем тихо растаяла, вернувшись в лоно матери.

Цзян Нань всё понял. Чэнь Юйвэй не пострадала лишь потому, что её неродившийся ребёнок отдавал все свои крошечные духовные силы, чтобы защитить маму от проклятия. Поразительная самоотверженность.

Ян Цзяхэ из любопытства подался вперёд, намереваясь рассмотреть женщину поближе, но призрачный защитник тут же вынырнул вновь и грозно насупился:

— Не смей подходить к моей маме!

— Прости, я не хотел... — Ян Цзяхэ виновато втянул голову в плечи и торопливо спрятался за широкую спину Цзян Наня.

Чэнь Юйвэй вздрогнула, словно уловив это невидимое присутствие. Она мягко прижала ладонь к животу и с сияющей улыбкой повернулась к супругу:

— Дорогой, малыш шевелится!

И эти толчки были совсем не похожи на прежние. Раньше ребёнок бился беспокойно, словно цепляясь за жизнь, теперь же его движения были мягкими и радостными, даря покой. Это неуловимое, глубинное знание могла почувствовать и истолковать только мать — её дитя наконец в полной безопасности.

Когда тайное стало явным и они нашли проклятого младенца, Чэнь Юйвэй едва с ума не сошла от страха за плод. Но теперь тяжёлый камень наконец скатился с её души. Всё будет хорошо. Она знала это наверняка.

Му Хуайси аккуратно собрал осколки статуэтки в плотный пакет и передал его главе семейства. Ли Хунлян принял ношу молча, не задавая глупых вопросов о том, почему глина раскололась. Ещё раз горячо поблагодарив спасителей, супруги покинули квартиру. Они твёрдо решили, что как только семейная драма разрешится, они обязательно устроят шикарный приём в честь таинственного мастера и его необычного питомца.

Ян Цзяхэ поймал на себе пристальный взгляд поросёнка и мгновенно съёжился от страха.

Цзян Нань переглянулся с Му Хуайси и весело хрюкнул, изобразив на мордочке некое подобие улыбки. Мысль о том, что разгневанный кукловод очень скоро сам пожалует к ним в гости, пробуждала в нём приятный азарт. Предвкушение предстоящей встречи будоражило кровь.

В глубине убогой, полутёмной каморки царил полумрак. За грубым деревянным столом сидела женщина с землисто-серым, угрюмым лицом. Перед ней ровным полукругом выстроились семь глиняных фигурок младенцев. Шею каждого истукана стягивала алая шёлковая нить. Эти нити тянулись к стоявшей в углу кровати, опутывая запястья лежащего там мужчины средних лет. Его глаза были плотно закрыты, а грудь оставалась неподвижной — он не дышал.

Женщина хмуро созерцала выстроенных в ряд уродцев. Её взгляд, обращённый на глиняных кукол, так и дышал ледяной злобой, но стоило ей перевести взор на неподвижное тело любовника, как лицо её разгладилось, наполнившись безумной, болезненной нежностью.

— Мэн Лан... Ещё совсем немного, и ты вернёшься ко мне, — прошептала она, бережно погладив кончиками пальцев его холодную ладонь.

На её губах заиграла улыбка — жуткая, искажённая хищным торжеством.

Внезапно один из глиняных младенцев мелко задрожал. Женщина нахмурилась и прижала ладонь к его макушке.

Спустя мгновение она глухо прорычала:

— Обнаружили...

В её глазах полыхнула ярость.

— Ничтожество, — выплюнула она сквозь зубы.

Тем не менее её руки действовали быстро и уверенно. Она принялась зачитывать заклинание отзыва, намереваясь вернуть заточённую душу, чтобы позже создать новую куклу.

Однако завершить ритуал ей не дали. Глиняная фигурка с громким сухим хлопком разлетелась на мелкие кусочки. Оставшиеся шесть истуканов тут же забились в безумной конвульсии, словно поражённые падучей болезнью, а лицо лежащего на постели мужчины мгновенно осунулось, покрывшись серой пеленой увядания.

— Твари! — взвизгнула колдунья.

Она рванула ящик стола, выхватила оттуда запасного младенца и торопливо привязала к его шее оборвавшуюся алую нить, перенаправляя поток энергии.

Дыхание мужчины выровнялось, а кожа вновь приобрела прежний, хоть и бледный, оттенок.

Женщина уставилась на черепки уничтоженного истукана. Из её горла вырвался хриплый, безумный смех, который оборвался так же внезапно, как и начался. Она медленно подошла к постели и нежно провела пальцами по щеке возлюбленного. В её зрачках клубилась угольно-чёрная, зловещая дымка.

— Не бойся, Мэн Лан. Твоя суженая со всем разберётся. Мне очень любопытно узнать, у какого наглеца хватило смелости уничтожить мою куклу.

<http://bllate.org/book/19051/1961037>